
ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930(2)

ИНСТИТУТ НАУЧНОГО АТЕИЗМА И РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР В 1960–80-х гг.

О. В. МЕТЕЛЬ^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет,
пл. Миусская, 6, 125047, г. Москва, Россия

²⁾Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
пр. Мира, 55а, 644077, г. Омск, Россия

Исследуется история открытия Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС в контексте трансформации советских религиозных исследований середины XX в. Используется широкий круг опубликованных и ранее не введенных в научный оборот архивных материалов. Анализируются причины создания института, рассматриваются организационные единицы, на базе которых он появился. Пристальное внимание уделяется реконструкции внутренней структуры учреждения и его кадровому составу. Изучается эволюция проблемных групп института, а также особенности организации его региональных отделений, представленных опорными пунктами и филиалами. Отмечается, что основной особенностью кадровой структуры института являлось активное вовлечение в работу бывших партийных работников, которые постепенно приобретали необходимые квалификационные признаки. В памяти научного сообщества остались имена лишь нескольких фигур, признанных классиками отечественного религиоведения. Делается вывод о том, что сотрудники института ориентировались на изучение наиболее актуальных и практически значимых сюжетов, связанных с атеистическим воспитанием или религиозной ситуацией в мире. Именно поэтому деятельность института обеспечила существенное сужение исследовательского поля советского религиоведения, которое с середины 1960-х гг. стало развиваться в пространстве советской философии.

Образец цитирования:

Метель ОВ. Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960–80-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;2:40–50.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-40-50>

For citation:

Metel OV. The Institute of the Scientific Atheism and the transformation of the field of religious studies in the USSR in the 1960–80s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;2:40–50. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-40-50>

Автор:

Ольга Вадимовна Метель – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник¹⁾, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета²⁾.

Author:

Olga V. Metel, PhD (history); senior researcher^a and associate professor at the department of general history, faculty of history^b.
olgametel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Ключевые слова: Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС; советское религиозоведение; наука о религиях; советский атеизм.

Благодарность. Исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-78-10095).

ІНСТЫТУТ НАВУКОВАГА АТЭІЗМУ І РАЗВІЦЦЁ РЭЛІГІЯЗНАЎЧЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ У СССР У 1960–80-я гг.

В. В. МЯЦЕЛЬ^{1*, 2*}

^{1*} *Расійскі дзяржаўны гуманітарны ўніверсітэт,
пл. Міуская, 6, 125047, г. Масква, Расія*

^{2*} *Омскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. М. Дастаеўскага, пр. Міру, 55а, 644077, г. Омск, Расія*

Даследуецца гісторыя адкрыцця Інстытута навуковага атеізму Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК КПСС у кантэксце трансфармацыі савецкіх рэлігіязнаўчых даследаванняў сярэдзіны ХХ ст. Выкарыстоўваецца шырокае кола апублікаваных і раней не ўведзеных у навуковы зварот архіўных матэрыялаў. Аналізуюцца прычыны з'яўлення інстытута, разглядаюцца арганізацыйныя адзінкі, на базе якіх ён быў створаны. Пільная ўвага надаецца рэканструкцыі ўнутранай структуры інстытута і яго кадраваму складу. Даследуецца эвалюцыя праблемных груп установы, а таксама асаблівасці арганізацыі яе рэгіянальных аддзяленняў, прадстаўленых апорнымі пунктамі і філіяламі. Адзначаецца, што асноўнай асаблівасцю структуры інстытута з'яўлялася актыўнае прыцягненне да яго працы былых партыйных работнікаў, якія паступова набывалі неабходныя кваліфікацыйныя прыкметы. У памяці навуковай супольнасці засталіся імёны толькі некалькіх фігур, прызнаных класікамі айчыннага рэлігіязнаўства. Робіцца выснова аб тым, што супрацоўнікі інстытута арыентаваліся на вывучэнне найбольш актуальных і практычна значных сюжэтаў, звязаных з атеістычным выхаваннем або рэлігійнай сітуацыяй у свеце. Менавіта таму дзейнасць інстытута забяспечыла істотнае звужэнне даследчага поля савецкага рэлігіязнаўства, якое з сярэдзіны 1960-х гг. стала развівацца ў прасторы савецкай філасофіі.

Ключавыя словы: Інстытут навуковага атеізму Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК КПСС; савецкае рэлігіязнаўства; навука аб рэлігіях; савецкі атеізм.

Падзяка. Даследаванне праводзілася пры падтрымцы Расійскага навуковага фонда (праект № 20-78-10095).

THE INSTITUTE OF THE SCIENTIFIC ATHEISM AND THE TRANSFORMATION OF THE FIELD OF RELIGIOUS STUDIES IN THE USSR IN THE 1960–80s

O. V. METEL^{a, b}

^a *Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russia*

^b *Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Avenue, Omsk 644077, Russia*

This article examines the history of the opening of the Institute of Scientific Atheism of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU in the context of the transformation of Soviet religious studies in the mid 20th century. The author relies on a wide range of archival materials published and not previously introduced into scientific circulation. The author analyses the reasons for the emergence of the institution, examines the organisational units on the basis of which a new institution emerged. Close attention is paid to the reconstruction of the internal structure of the Institute of Scientific Atheism and its staff. Within the framework of the first of the named plots, the author studies both the evolution of problem groups of the institute and the peculiarities of the organisation of its regional branches, represented by support points and branches. Analysing the personnel structure of the Institute of Scientific Atheism, the author notes that its main feature is the active involvement of former party workers in the work of this center, who gradually acquired the necessary qualifications (in particular, candidate and doctoral dissertations). And although in the 1970–80s all employees of this center met the formal requirements for Soviet social scientists, the memory of the scientific community retained the names of only a few figures recognised as classics of Russian religious studies. Having reconstructed the main directions of research activities of the Institute of Scientific Atheism, the author comes to the conclusion that his employees were guided by the study of the most relevant and practically significant topics related to atheistic education or the religious situation in

the modern world. That is why it was the activities of the Institute of Scientific Atheism that provided a significant narrowing of the research field of Soviet religious studies, which since the mid 1960s began to develop in the space of Soviet philosophy.

Keywords: the Institute of the Scientific Atheism of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU; the Soviet religious studies; the science of religions; the atheism.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10095).

Введение

На протяжении последних десятилетий история советского религиоведения неоднократно привлекала внимание исследователей, которые стремились не только реконструировать общий этос научной традиции, но и осветить деятельность отдельных советских специалистов и научно-исследовательских учреждений, занимавшихся религиозной и антирелигиозной проблематикой в СССР [1–4]. Отмечая безусловный эвристический потенциал подобных трудов, позволяющих уточнить многие детали общей схемы развития отечественной религиоведческой традиции (а в дальнейшем, вероятно, и вовсе поставить под сомнение ее первоначальный вариант), мы, однако, не можем не затронуть известную хронологическую избирательность авторов, которые обращались к анализу советского религиоведения преимущественно 1920–30-х гг. Возможно, причина столь пристального внимания специалистов к указанному периоду двояка. С одной стороны, как не раз отмечали ученые, трагедия завораживает, а для отечественной науки в силу многих причин 1910–40-е гг. были и героическими, и трагическими одновременно [5, с. 98]. С другой стороны, хронологическая избирательность современных религиоведов диктуется и соображениями прагматического толка: при изучении событий почти столетней давности ученый располагает необходимой временной дистанцией и может более свободно размышлять о путях эволюции науки, не опасаясь вступить в конфликт с корпоративной памятью или поступить неэтично в отношении тех лиц, чья научная карьера еще не завершена. Недаром публикация мемуаров историка А. А. Зимина, в которых автор дал весьма острые характеристики своим коллегам, вызвала

столь широкий общественный резонанс и спровоцировала серьезную полемику в среде историографов [6]. И все же, даже принимая в расчет сказанное, мы полагаем, что реконструкция истории советского религиоведения невозможна без детального рассмотрения особенностей ее развития в позднесоветский период, когда, как удачно показал в своей последней монографии В. Смолкин [7], изменился не только общий идеологический контекст эпохи, но и правительственный курс в отношении религии и способов ее изучения. Именно поэтому мы обратились к истории становления ключевого позднесоветского научного центра, связанного с разработкой религиоведческой проблематики в широком тематическом диапазоне, – Института научного атеизма (ИНА) Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Безусловно, деятельность данной институции уже становилась объектом научного анализа. Наряду с монографией В. Смолкина, в которой ИНА посвящены несколько параграфов отдельной главы [7, с. 304–308], можно отметить статью бывшего сотрудника института Ю. П. Зуева, проанализировавшего основные направления деятельности учреждения в 1960–80-х гг. [8]. Наша статья отчасти продолжает исследования коллег, опираясь на сделанные ими выводы. Однако ракурс рассмотрения заявленных сюжетов в статье все же будет несколько отличаться от того, что был задан предшественниками. Задача настоящей работы – реконструировать организационную и кадровую структуру ИНА, охарактеризовав основные направления его работы и определив общую роль института в трансформации поля советских религиоведческих исследований 1960–80-х гг.

Методология исследования

Для решения поставленной задачи мы использовали институциональный подход. В целом для историографа или историка науки институциональный подход, с помощью которого научно-образовательные институты рассматриваются как центры производства научного знания, не только предполагает изучение основных направлений их организации и реорганизации, но и требует анализа механизмов их деятельности, связанных с научными изысканиями, подготовкой индивидуальных, коллективных трудов и др. Именно поэтому

наше исследование проводилось в два этапа: на первом этапе мы реконструировали основные события, связанные с общей историей ИНА, на втором этапе проанализировали его кадровый состав и основные направления работы. Источниковой базой исследования стала делопроизводственная документация института, сохранившаяся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а также научные, справочные и иные материалы, подготовленные в ИНА в 1960–80-х гг.

Основная часть

История ИНА началась в январе 1964 г., когда вышло постановление ЦК КПСС «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения», предписывавшее создать в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС специализированный институт – головное научно-исследовательское учреждение страны в области научного атеизма. С точки зрения руководителей идеологического фронта, это решение назревало уже давно: новое наступление на религию в стране началось еще в 1954 г., когда в условиях десталинизации периода оттепели партийные лидеры не просто отказались от прежнего компромисса в отношениях с Русской православной церковью, но и взяли курс на «развертывание научно-атеистической пропаганды», официально обязав всех членов партии «вести решительную борьбу с... религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого»¹. В отличие от 1920–30-х гг., когда подобная борьба носила ярко выраженный антиклерикальный характер и проводилась при помощи методов прямого физического устранения «религиозной угрозы», научно-атеистическая пропаганда 1950–60-х гг. должна была применять мирные средства идейного воздействия на советских граждан [7, с. 488–492], терпеливо разъясняя и доказывая несостоятельность религиозных верований и коренную противоположность науки и религии. Проводить такую работу должны были не специалисты-антирелигиозники времен культурной революции, высмеивавшие и «разоблачавшие» религиозные верования (что, впрочем, отнюдь не исключалось из арсенала средств борьбы с религиозными пережитками), а настоящие ученые-атеисты, способные поставить атеистическую пропаганду на твердый научный фундамент. И именно эту научную составляющую советской атеистической работы должен был обеспечить ИНА, взявший на себя выполнение задач по координации всей научной работы в области атеизма в СССР, разработке актуальных проблем данной дисциплины, подготовке «атеистов высшей квалификации» и др.²

Правда, ИНА, прежде чем приступить к выполнению возложенных на него функций, предстояло определить содержание понятия «научный атеизм» и очертить круг тем и сюжетов, которые должны были попасть в объектив исследовательского интереса его сотрудников. Недаром одной из первых

дискуссий, состоявшихся в стенах нового института еще в январе 1964 г., стало совещание работников ИНА по вопросу о предмете научного атеизма³. Как гласили материалы данного обсуждения, все члены ИНА воспринимали научный атеизм как часть марксистско-ленинской философии, полагая при этом, что он обладает собственным проблемным полем, связанным с изучением религии и способов ее преодоления. В дальнейшем это было закреплено на уровне учебной литературы в виде утверждения о том, что научный атеизм имеет два основных аспекта: теоретический аспект сводился «к раскрытию несостоятельности, иллюзорности религиозных представлений», а практический аспект был связан с формированием у советских граждан «атеистической сознательности и убежденности»⁴. Другими словами, сотрудникам ИНА предстояло стать не только учеными-религиоведами, отлично разбиравшимися в законах функционирования религии, но и атеистами-практиками, предлагавшими партийному руководству планы конкретных мероприятий, направленных на преодоление «религиозных пережитков»⁵.

Вероятно, именно поэтому ИНА был открыт в структуре АОН, а не в структуре Академии наук СССР, хотя именно в стенах последней во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. функционировали специализированные группы и сектора, выступившие в 1964 г. в роли фундамента для нового института, предоставив ему кадры работников, материальную базу и др. В частности, речь идет о секторе истории религии и атеизма Института истории АН СССР, секторе научного атеизма Института философии АН СССР, группе истории религии и атеизма Института этнографии АН СССР и, наконец, координационном совете (комиссии) по атеизму при Президиуме АН СССР⁶. Все они появились в высшем научном учреждении СССР на волне развертывания научно-атеистической пропаганды в годы оттепели⁷. Причем сектор истории религии и атеизма Института истории АН СССР и вовсе пережил в это время второе рождение: если в 1953 г. руководство института выступало с инициативой закрытия данного сектора, признанного неэффективным, то уже два года спустя в условиях изменившейся конъюнктуры оно было вынуждено вновь создавать специализированный религиоведческий центр⁸. С точки

¹О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, док. КПСС и Сов. государства. 2-е изд. М. : Политиздат, 1981. С. 82.

²РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

³Там же. Д. 12. Л. 1–41.

⁴О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, док. КПСС и Сов. государства. 2-е изд. М. : Политиздат, 1981. С. 8–9.

⁵РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 11. Л. 105.

⁶Отд. рукоп. Рос. гос. б-ки. Ф. 369. К. 454. Ед. хр. 12. Л. 50.

⁷Арх. РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945–1956). Д. 400. Л. 73–87.

⁸Рос. гос. арх. новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 425. Л. 11.

зрения современных специалистов, результаты работы сотрудников названных академических подразделений были вполне удовлетворительными. Они проводили теоретические изыскания по истории и философии религии и атеизма, выполняли небольшие социологические исследования в Московской, Тамбовской, Липецко-Воронежской и Рязанской областях, готовили кадры высшей квалификации через систему аспирантуры и др.⁹ [9].

Однако в контексте институционального оформления научного атеизма как новой дисциплины, имевшей не только теоретическую, но и практическую составляющую, головной научно-исследовательский институт научно-атеистической направленности было решено открыть в другой советской академии – АОН. И такое решение кажется нам вполне логичным. Созданная еще в 1946 г. АОН функционировала при ЦК КПСС как «учебное заведение, готовящее кадры теоретических работников для центральных партийных учреждений, ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б), а также квалифицированных преподавателей высших учебных заведений, теоретических работников научно-исследовательских учреждений и научных журналов» [10, с. 46]. Следовательно, в отличие от АН СССР она была в большей степени подконтрольна советским идеологам, традиционно выступая в роли своеобразного проводника линии партии в пространстве советской гуманитаристики [11, с. 76–78]. А для научного атеизма, который задумывался в качестве поля для сотрудничества ученых и ответственных партийных работников, подобная среда была наиболее подходящей.

Именно поэтому первыми сотрудниками ИНА стали не только бывшие работники АН СССР, преподаватели Московского государственного университета или АОН при ЦК КПСС, но и бывшие сотрудники партаппарата, переведенные на научную работу с ответственных должностей. Как справедливо подчеркивает В. Смолкин, В. И. Евдокимов, ставший в 1960-х гг. одним из заместителей директора института, «пришел в ИНА после работы в аппарате ЦК КПСС, где был помощником Ильичева, возглавлявшего идеологические комиссии хрущевского периода», а П. К. Курочкин, занимавший в те же годы аналогичную должность, после продолжительной работы в партийном аппарате Новгородской области защитил диссертацию по философии в АОН и в течение некоторого времени являлся преподавателем данной академии [7, с. 312–313]. Схожим оказался и состав аспирантов и докторантов ИНА, которые, по воспоминаниям современников, нередко попадали в эту сферу случайно и рассматривали научно-атеистическую деятельность как своеобраз-

ный трамплин для последующей партаппаратной (реже – научной) карьеры или как шанс остаться в Москве [7, с. 315–316]. Этот вывод подтверждают и данные о трудоустройстве выпускников аспирантуры ИНА, которые после защиты диссертации занимали преимущественно ответственные должности в местных или столичных партийных структурах (весьма показателен в этом отношении случай сотрудника аппарата ЦК КПСС В. А. Сапрыкина, чья профессиональная биография была реконструирована Н. А. Митрохиным [12]). В результате ИНА мало отличался от других подразделений АОН, являясь важным научно-идеологическим центром партии, подконтрольным аппарату ЦК КПСС, а его руководители и сотрудники были включены в состав партийной номенклатуры и пользовались соответствующими привилегиями и в научной, и в бытовой сфере. К примеру, как и сотрудники и аспиранты других подразделений АОН, члены ИНА имели право на приоритетное получение научно-исследовательских командировок, в том числе зарубежных.

Однако мы полагаем, что было бы серьезной ошибкой рассматривать ИНА лишь как идеологический центр, а его сотрудников лишать статуса ученых и исследователей. Несмотря на то что кадровый состав данного института был пестрым (табл. 1), его научные сотрудники, каким бы ни был их путь к научно-исследовательской деятельности в области изучения атеизма и религии, все же вполне соответствовали формальным и неформальным требованиям, предъявляемым к советским ученым 1960–80-х гг. (хотя при этом мы можем согласиться с К. М. Антоновым, утверждавшим, что советские религиоведы следовали нормам, которые отличались от норм, сформулированных Р. Мертоном [13, с. 59–78]). Как показывают материалы работы аттестационных комиссий различных групп и отделов ИНА и документы обсуждения кандидатских и докторских диссертаций, требования, предъявляемые к научным атеистам, были вполне традиционными для советских академических институтов. Так, в конце 1970-х гг. принято решение не включать в штат института тех, кто не опубликовал ни одной научной работы за последние 7 лет (при этом производительность труда ведущих научных сотрудников ИНА составляла от 13 до 50 печ. л. в пятилетку, включая монографии, статьи и аналитические записки в ЦК¹⁰), а до этого рецензенты из ИНА не рекомендовали принимать к защите несколько докторских диссертаций, содержащих «бездоказательные декларативные утверждения» и «оскорбительные высказывания» в адрес верующих¹¹. Другое дело, что результаты работы многих сотрудников ИНА быстро потеряли актуальность, и в памяти научного сооб-

⁹РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 214. Л. 1–2.

¹⁰Там же. Л. 33; Там же. Д. 50. Л. 1–16.

¹¹Там же. Л. 41; Там же. Д. 42. Л. 3–5.

щества, пережившего в 1990-х гг. радикальную смену вех, остались лишь некоторые фигуры советских исследователей религии, чьи работы были призна-

ны наименее подверженными влиянию конъюнктуры (например, А. И. Клибанов или Л. Н. Митрохин, в разные годы сотрудничавшие с ИНА [14; 15]).

Таблица 1

Кадровый состав ИНА в 1970-х гг.

Table 1

The staff of the Institute of the Scientific Atheism in 1970s

Основные характеристики		Дирекция	Профессорско-педагогический состав	Старшие научные сотрудники	Младшие научные сотрудники
<i>Возраст</i>					
25–30 лет		–	–	–	3
31–40 лет		–	–	–	3
41–50 лет		2	1	–	2
51–60 лет		1	1	–	1
Старше 60 лет		–	2	–	–
<i>Партийность</i>					
Член КПСС		3	4	13	6
Беспартийный		–	–	–	3
<i>Образование</i>					
Высшее	Московский государственный университет	1	1	7	5
	Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской или Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина	1	–	2	1
	Другое	1	3	4	3
<i>Ученая степень</i>					
Кандидат наук	Исторические науки	–	–	3	1
	Философские науки	1	1	9	3
	Другое	–	–	–	–
Доктор наук	Исторические науки	–	–	–	–
	Философские науки	2	3	1	–

Как и во многих других советских научно-исследовательских институтах, основными организационными единицами ИНА в 1960–70-х гг. являлись специальные проблемные группы, представлявшие собой творческие коллективы¹², функционировавшие, по словам Ю. П. Зуева, в виде постоянно действующих семинаров, круглых столов и научных конференций (в том числе всесоюзных и международных) и завершавшие свою работу подготовкой

коллективных научных трудов или аналитических записок в ЦК КПСС¹³. Состав проблемных групп ИНА постоянно менялся, а к началу 1980-х гг. их место и вовсе заняли специальные отделы и лаборатории, призванные анализировать теорию и практику научного атеизма, изучать идеологию и деятельность религиозных организаций при социализме и проводить прикладные социологические исследования¹⁴ (табл. 2).

¹²РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 1. Л. 2.

¹³Там же. Л. 10.

¹⁴Там же. Д. 214. Л. 81.

Эволюция организационной структуры ИНА в 1960–70-х гг.

Table 2

Evolution of organisational structure of Institute of Scientific Atheism in 1960–70s

Год	Подразделения ИНА
1964	<i>Проблемные группы по направлениям:</i> степень и характер религиозности верующих в СССР особенности борьбы науки и религии в современном мире нравственный прогресс и религия тенденции развития религиозной идеологии и религиозных организаций в капиталистических странах предпосылки и пути преодоления религии эффективность атеистического воспитания атеистическое воспитание подрастающего поколения
1966–1970	<i>Проблемные группы по направлениям:</i> степень и характер религиозности населения в СССР нравственный прогресс и религия религия и национальный вопрос система научно-атеистического воспитания в СССР формы и методы атеистической пропаганды атеистическое воспитание подрастающего поколения история религии и атеизма новые тенденции в религиозной идеологии и деятельности религиозных организаций в капиталистических странах атеизм и свободомыслие за рубежом на современном этапе ленинское атеистическое наследие и современность
1981	Отдел теории и практики научного атеизма Отдел по изучению идеологии и деятельности религиозных организаций при социализме Отдел по изучению роли религии в идейно-политической борьбе Лаборатория социологических исследований

Еще одним элементом структуры ИНА являлись его региональные отделения – опорные пункты и филиалы, появившиеся в конце 1960-х гг. и в 1970-х гг. в различных городах СССР (Киев, Владимир, Казань, Томск, Омск и др.). Если говорить об опорных пунктах, то, согласно данным Р. А. Лопаткина, к концу 1960-х гг. было создано около 40 подобных структур, открывавшихся «на базе домов политического просвещения, партийных комитетов, кафедр философии и научного атеизма вузов, научно-методических советов по атеизму областных отделений общества “Знание”» [16, с. 336]. Формально они должны были способствовать развитию научно-атеистических исследований на местах, одновременно принимая участие в деятельности проблемных групп ИНА. Однако в действительности основным направлением их работы нередко оказывалась организация небольших социологических исследований, проводимых на основе инструкций, присылаемых из Москвы¹⁵. Более того, как показывают материалы координационных совещаний

ИНА, многие опорные пункты не справлялись и с этими задачами и фактически существовали лишь на бумаге, присылая в Москву краткие планы своей будущей деятельности¹⁶. Объяснить подобную ситуацию довольно просто: опорные пункты (а нередко и кафедры местных вузов, и сектора научного атеизма республиканских академий) открывались по указанию сверху, не имея для этого ни подходящей инфраструктуры, ни кадровой базы¹⁷. Однако закрыть их также было нельзя: с одной стороны, московские ученые нуждались в местном материале, характеризующем уровень религиозности в стране, а с другой – вынуждены были следовать общей логике институциональной организации советской науки, предполагавшей выстраивание иерархической структуры центр – периферия. И если на ИНА были возложены функции головного института в своей области, то он был обязан координировать работу на местах, используя для этого не только опорные пункты, но и координационный совет (совместно с АН СССР), проводивший нерегулярные совещания

¹⁵РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 142. Л. 4.

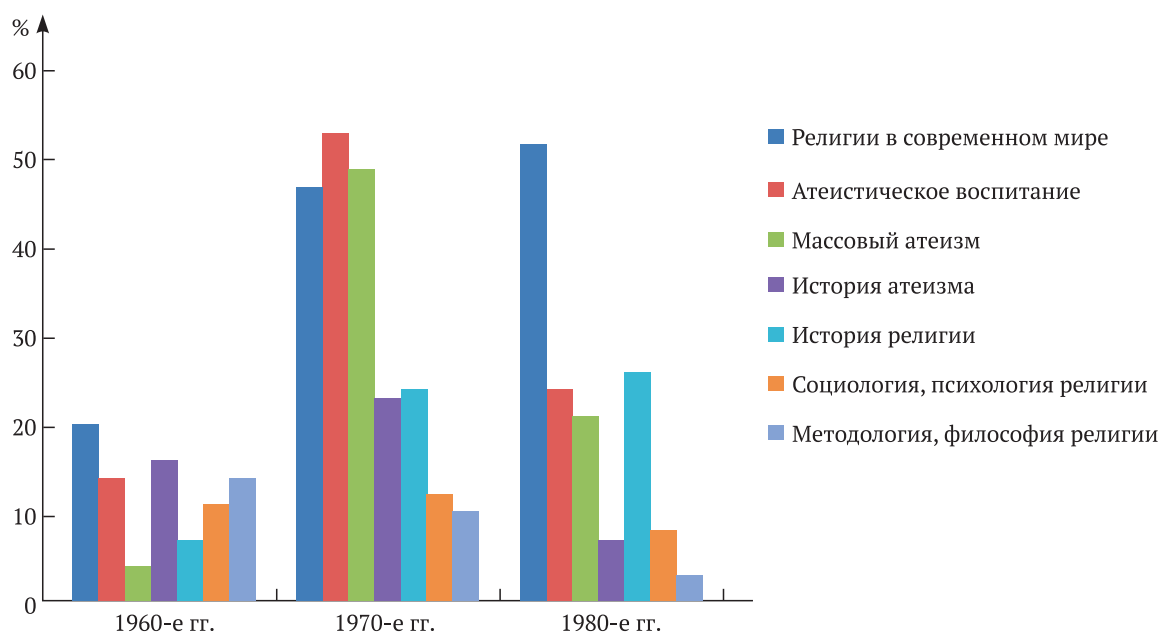
¹⁶Там же.

¹⁷Там же. Д. 32. Л. 19–20.

региональных и республиканских центров изучения научного атеизма¹⁸.

Союз науки и идеологии, оказавший столь серьезное влияние на кадровый состав ИНА, не мог не отразиться и на его научно-исследовательской деятельности. В целом, как свидетельствуют планово-отчетные документы, перед ИНА был поставлен широкий круг задач¹⁹. Будучи научно-исследовательским институтом, в первую очередь он должен был развернуть работу в области изучения различных проблем научного атеизма. Так, в 1966–1970 гг. его сотрудникам предстояло разрабатывать следующие темы, связанные с уровнем и характером религиозности населения СССР, спецификой современной фазы борьбы между наукой и религией, социально-нравственными проблемами и религией, системой научно-атеистического воспитания и др.²⁰ В дальнейшем перечень тем, подлежащих анализу в ИНА, существенно изменился, и к 1980-м гг. работники института должны были сосредоточиться на решении актуальных задач, связанных с «разработкой теоретических и практических проблем повышения эффективности партийного руководства атеистическим воспитанием и вопросами идеологической борьбы в современном мире»²¹. Однако, несмотря на изменение отдельных формулировок,

и в 1960-х, и в 1980-х гг. сотрудники ИНА должны были проводить комплексные междисциплинарные исследования, охватывающие весь спектр тем и сюжетов из области научного атеизма. Недаром Ю. П. Зуев, являвшийся сначала аспирантом, а затем научным сотрудником и ученым секретарем ИНА, отмечал, что его коллеги занимались изучением философских проблем религиоведения, проводили социологические исследования в этой области, разрабатывали историю религий и анализировали вопросы атеистического воспитания населения [8, с. 14, 19, 25, 27]. Правда, интенсивность разработки заявленных тем была различной, и в 1970–80-х гг. ИНА специализировался на изучении проблем атеистического воспитания и современного состояния религиозных организаций (в том числе с позиций конкретного социологического анализа), уделяя сравнительно мало внимания проблемам истории или философии религии. Отметим, что в 1964–1974 гг. в ИНА была защищена всего одна диссертация в области истории, подготовленная Г. С. Лялиной под руководством А. И. Клибанова в 1917–1941 гг. (по истории баптизма)²². Этот вывод подтверждает и анализ тематики статей журнала «Вопросы научного атеизма», являвшегося официальным печатным органом ИНА (см. рисунок).

Количественное распределение тематики статей, опубликованных в журнале «Вопросы научного атеизма» в 1960–80-х гг.

Quantitative distribution of topics of the articles published in the journal «Questions of Scientific Atheism» in 1960–80s

¹⁸РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 113. Л. 5.

¹⁹Там же. Д. 1. Л. 1.

²⁰Там же. Д. 49. Л. 3.

²¹Там же. Д. 214. Л. 69.

²²Там же. Д. 118. Л. 20.

Объясняя выбор тематики исследований, проводимых сотрудниками ИНА, мы вновь должны указать на специфику задач, стоявших перед данным институтом, который стремился воплотить на практике установку XXIII съезда КПСС на активное использование теории в практической деятельности²³ и, следовательно, представить научное обоснование практической работы в области борьбы за материалистическое мировоззрение и атеизм²⁴. В результате, формально претендуя на целостное изучение феномена религии (его природы, состояния и динамики²⁵), сотрудники ИНА рассматривали его преимущественно в контексте современности. Они проводили социологические исследования, направленные на выяснение степени религиозности жителей СССР, готовили аналитические записки, связанные с изучением современного католицизма, православия, ислама и др., разрабатывали типологию религиозных организаций. Причем тот или иной сюжет попадал в поле зрения специалистов ИНА в силу политической актуальности. Вероятно, стоит согласиться с мнением Ю. П. Зуева о том, что интерес к исламу у сотрудников ИНА возник в конце

1970-х гг., когда под влиянием введения советских войск в Афганистан у руководства страны появились опасения относительно «опасности распространения радикальных политических настроений среди определенной части мусульманского духовенства и населения в республиках Средней Азии и Кавказа» [8, с. 18]. Подобные особенности деятельности ИНА отмечали уже современники. Как утверждал видный советский ученый и антирелигиозник И. А. Кривелев, работавший в 1960-х гг. в Институте этнографии АН СССР, ИНА был слишком занят проблемами современности, поэтому не смог обратиться к вопросам истории религии, хотя это являлось необходимостью для центра, претендовавшего на статус головного института в области изучения религии и атеизма²⁶. Однако призыв бывшего члена Союза воинствующих безбожников не услышали, и до конца 1980-х гг. советские религиоведческие исследования, проводившиеся в ИНА, были связаны с разработкой актуальных тем и сюжетов, тогда как история религий изучалась в некоторых музейных, академических или вузовских центрах, нередко занимая в их планах достаточно скромное место.

Заключение

Для судеб советского религиоведения подобная ориентация научно-исследовательской деятельности ИНА имела серьезные последствия. Так, если в 1920–30-х гг. наука о религиях начала формироваться в СССР в русле антропологической программы, осложненной антирелигиозной и антиклерикальной составляющими [13, с. 83], то ИНА обеспечил модификацию этого методологического фундамента и переход советского религиоведения на философские рельсы. Безусловно, такой поворот носил во многом вынужденный характер и был обусловлен особенностями институциональной организации советской науки, включавшей многие сюжеты социологического или психологического характера в общий корпус философских проблем. Однако подобная специфика сохранилась и в постсоветский период, предопределив характер институционализации отечественного религиоведения

в 1990-х гг., когда специализированные религиоведческие структуры открывались в рамках именно философских научно-исследовательских и образовательных организаций. Не прошла бесследно для судеб отечественной науки и общая особенность поздней советской исследовательской традиции, акцентирующей внимание ученых на практическом аспекте научно-атеистической работы. Таким образом, приложив немало усилий для разработки конкретных мер научно-атеистического воспитания, научный атеизм, которому, впрочем, так и не удалось обеспечить отмирание религии в СССР [7, с. 493], искусственно ограничил поле теоретических изысканий отечественных специалистов, результаты работы которых достаточно быстро были деактуализированы и поставлены под сомнение даже в части собранного эмпирического материала.

Библиографические ссылки

1. Шахнович ММ. *Очерки по истории религиоведения*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет; 2006. 290 с.
2. Смирнов МЮ. Религиоведение в России: проблемы самоидентификации. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2009;1:91–106.

²³РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 56. Л. 9.

²⁴Там же. Л. 11.

²⁵Там же. Д. 11. Л. 104.

²⁶Там же. Д. 32. Л. 69.

3. Меньшикова ЕВ, Яблоков ИН. О периодах в истории отечественного религиоведения. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2011;5:98–116.
4. Антонов КМ, редактор. «Наука о религии», «научный атеизм», «религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; 2014. 261 с.
5. Зарецкий ЮП. *Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография*. Москва: Новое литературное обозрение; 2011. 379 с.
6. Базанов АМ. Мемуары А. А. Зимина «Храм науки»: картина научной среды и набор ценностных ориентиров автора. *Историческая экспертиза*. 2016;4:232–247.
7. Смолкин В. *Свято место пусто не бывает: история советского атеизма*. Москва: Новое литературное обозрение; 2021. 552 с.
8. Зуев ЮП. Институт научного атеизма (1964–1991). В: Зуев ЮП, Шмидт ВВ, редакторы. *Вопросы религии и атеизма. Выпуск 1. Антология отечественного религиоведения. Часть 1. Институт научного атеизма – Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС*. Москва: МедиаПром; 2009. с. 9–34.
9. Хун У. Рождение этнографии из духа атеизма? Исследования «современного сектантства» в контексте антирелигиозных кампаний Н. С. Хрущева. *Этнографическое обозрение*. 2018;2:100–121.
10. Егоров АГ, Боголюбов КМ, редакторы. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Том 8. 1946–1955*. 9-е издание. Москва: Политиздат; 1985. 542 с.
11. Некрич АМ. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон: Overseas Publications Interchange; 1979. 414 с.
12. Митрохин Н. «Ответственный работник ЦК КПСС» Владимир Сапрыкин: карьера одного советского профессионального атеиста. В: Соболева НВ, редактор. *Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век. Материалы международного colloquium; 7–10 июня 2010 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2013. с. 613–626.
13. Антонов КМ. От дореволюционной науки о религии к советскому религиоведению: становление «советской» формации дискурса о религии. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение*. 2013;6:67–97.
14. Корсаков СН, Колмакова МВ, Калашникова ЛА, составители. *Лев Николаевич Митрохин (1930–2005)*. Москва: Институт философии РАН; 2017. 107 с.
15. Буганов ВИ. А. И. Клибанов – историк общественной мысли. *Вопросы истории*. 1995;2:148–155.
16. Лопаткин РА. На опорных пунктах Института научного атеизма. В: Окулов АФ, редактор. *Вопросы научного атеизма. Выпуск 5*. Москва: Мысль; 1968. с. 336–342.

References

1. Shakhnovich MM. *Ocherki po istorii religiovedeniya* [Essays on the history of religious studies]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2006. 290 p. Russian.
2. Smirnov MYu. [Religious studies in Russia: problems of self-identification]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2009;1:91–106. Russian.
3. Men'shikova EV, Yablokov IN. [On periods in the history of Russian religious studies]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2011;5:98–116. Russian.
4. Antonov KM, editor. «*Nauka o religii*», «*nauchnyi ateizm*», «*religiovedenie*»: *aktual'nye problemy nauchnogo izucheniya religii v Rossii XX – nachala XXI v.* [«Science of religion», «scientific atheism», «religious studies»: actual problems of scientific study of religion in Russia in the 20th – early 21st centuries]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities; 2014. 261 p. Russian.
5. Zaretskii YuP. *Strategii ponimaniya proshlogo: teoriya, istoriya, istoriografiya* [The strategies for understanding the past: theory, history, historiography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2011. 379 p. Russian.
6. Bazanov AM. Memoirs of A. A. Zimin «Temple of science»: a picture of the scientific environment and a set of values by the author. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2016;4:232–247. Russian.
7. Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [A holy place is never empty: the history of Soviet atheism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2021. 552 p. Russian.
8. Zuev JuP. [Institute of Scientific Atheism (1964–1991)]. In: Zuev YuP, Shmidt VV, editors. *Voprosy religii i ateizma. Vypusk 1. Antologiya otechestvennogo religiovedeniya. Chast' 1. Institut nauchnogo ateizma – Institut religiovedeniya AON pri TsK KPSS* [Questions of religion and atheism. Issue 1. Anthology of Russian religious studies. Part 1. Institute of Scientific Atheism – Institute of Religious Studies of the General Assembly of the CPSU Central Committee]. Moscow: MediaProm; 2009. p. 9–34. Russian.
9. Huhn U. The renaissance of ethnography from the spirit of atheism? Research on «contemporary sectarianism» in the context of N. S. Khrushchev's anti-religious campaigns. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018;2:100–121. Russian.
10. Egorov AG, Bogolyubov KM, editors. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1988). Tom 8. 1946–1955* [Communist Party of the Secular Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). Volume 8. 1946–1955]. 9th edition. Moscow: Politizdat; 1985. 542 p. Russian.
11. Nekrich AM. *Otreshis' ot strakha. Vospominaniya istorika* [Abandoning of the fear. The Memories of a historian]. London: Overseas Publications Interchange; 1979. 414 p. Russian.
12. Mitrokhin N. [«Responsible employee of the Central Committee of the CPSU» Vladimir Saprykin: the career of one Soviet professional atheist]. In: Soboлева NV, editor. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – XX vek. Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma; 7–10 iyunya 2010 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Man and personality in the history of Russia, late

19th – 20th centuries. Materials of the international colloquium; 2010 June 7–10; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2013. p. 613–626. Russian.

13. Antonov KM. From pre-revolutionary study of religion to Soviet religious studies: a transformation of scientific method and research techniques and the formation of the Soviet way of dealing with religious questions. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2013;6:67–97. Russian.

14. Korsakov SN, Kolmakova MV, Kalashnikova LA, compilers. *Lev Nikolaevich Mitrokhin (1930–2005)* [Lev Nikolaevich Mitrokhin (1930–2005)]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2017. 107 p. Russian.

15. Buganov VI. [A. I. Klibanov – historian of social thought]. *Voprosy istorii*. 1995;2:148–155. Russian.

16. Lopatkin RA. [At the support points of the Institute of Scientific Atheism]. In: Okulov AF, editor. *Voprosy nauchnogo ateizma. Vypusk 5* [The questions of scientific atheism. Issue 5]. Moscow: Mysl'; 1968. p. 336–342. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 18.01.2022.
Received by editorial board 18.01.2022.*